

Михаил Михайлов

Михаил Михайлов

Кольцо Кошцея

Роман

Москва, 2012
€АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М69

Художник
В. Бабкин

Михайлов М.

М69 Кольцо Кощея: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1083-5

«— Кошеюшка, когда на злодейство-то пойдешь? — раздалось под дверью в мои личные апартаменты.

Елки-палки, опять Баба-яга с нотациями: и что, мол, настоящие злодеи так не поступают, и ведут они себя по-другому...»

Так начинался очередной день студента двадцать первого века, который из-за стечения невозможных обстоятельств перенесся в сказочный славянский мир на место Кощея. Нечисть, с радостью встретившая нового царя, вскоре загрустила, а позже и заплакала: вместо полагающейся тирании новый повелитель занялся прогрессорством...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1083-5

© Михаил Михайлов, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

— Кощеюшка, когда на злодейство-то пойдешь? — раздалось под дверью в мои личные апартаменты.

Елки-палки, опять Баба-яга начнет день с нотациями: и что, мол, настоящие злодеи так не поступают, и ведут они себя по-другому. Я устал ей объяснять, что с большой радостью передам такое бремя любому другому желающему, лишь бы самому отделаться. Но все без толку.

С раздражением посмотрел на кольцо на своем левом мизинце, из-за которого все и началось. Из-за кольца, конечно, а не из-за мизинца.

— Бабуля, вот сейчас встану, позавтракаю и начну злодействовать! — прокричал я своей бессменной няньке через дверь.

Та, вполне удовлетворенная моим ответом, пошла обратно к себе, по-старчески прихлопывая ноги.

Бабка та еще штучка. Это со мною она совершенно белая и пушистая и верит каждому моему слову. Вот взять хотя бы обещание про злодейства, данное только что, — каждое утро я говорю то же самое, и каждый раз она успокаивается и верит.

Но это только со мною. С прочими она жестка и сурова так, что фиг забалуешься. Слухи о том, что она Иванов-царевичей запекает у себя в печи и подает на стол, правдивы только наполовину. Да, запекает, но на стол?! Боже упаси, она поборница вегетарианского образа жизни, употребляет только растительную пищу и немного рыбы.

Ее избушка на куриных ногах стоит во дворе моего замка, и только пару раз в месяц старушка выводит ее на простор размяться. Сама же часто путешествует на метле или в ступе. Я предпринял парочку попыток опробовать такие летные средства, но от метлы отказался уже после первого раза. На ней натер кое-что, отчего потом ходил вразвалку, словно кавалерист-новичок, отмахавший пару сотен верст верхом, не слезая с седла. Как мог всем известный Гарри лихачить на такой штуке — не представляю. На ступе я продержался дольше, налетав в сумме почти десять часов. А если спросите, какие ощущения, то отвечу вопросом: а вы ездили на мотоцикле без шлема на большой скорости и в плохую погоду? Ощущения полностью идентичны...

— Бак пробит, хвост горит... — нещадно фальшивя и гундося, орал я знакомые песни, когда нарезал круги в ступе.

Слезы вперемешку с соплями мешали мне и пить, и рулить, но я не сдавался. Внизу во дворе тихо материлась Яга, беспокоясь за свою ступу. Я-то все ж бессмертный.

Вот такой небольшой эпизод из моей летной практики.

Ну ладно, что-то я задержался в постели. С наслаждением потянулся в последний раз на перине и выскользнул из-под одеяла. По-быстрому натянув на себя одежду, я вышел в коридор и направился в сторону кухни. Там сейчас бабка должна кашеварить, а блюда, приготовленные ею, просто умопомрачительно вкусны. Когда я уплетаю все ее готовки, то немного примиряюсь со своей участью быть сказочным злодеем.

— Привет труженикам злодейского и кулинарного фронта! — радостно прокричал я, заходя в комнату, только по недоразумению названной кухни.

Ее размеры были сопоставимы с размерами школьного спортзала. Посередине стоял огромный стол, человек на семьдесят, и то если их рассаживать в метре друг

от друга. По стенам стояли две печи, в которых и производилось все варение и печение.

Оговорюсь сразу — Баба-яга жарит Иванов-дураков-царевичей не в них. Для этого есть личная печь в избушке. Да и засовывала она в последний раз такого ой как давно. Тогда ее изрядно обманули и заставили показать сам процесс лично, чтобы Иван не испортил чего. Ничего не напоминает? Тогда сердитая бабка просидела несколько часов скрюченная на горячих угольках. Только появление Кощея позволило ей выйти из импровизированного плена. С тех пор она и ютится в замке и по мере сил помогает в делах.

— Доброе утро, царь Кошей, — поклонилась мне Яга и вновь вернулась к печи, где что-то скворчало и издавало сумасшедшие ароматы.

От такого сочетания у меня во рту стала накапливаться слюна, а в животе требовательно заурчало.

— Прямо так и царь, бабуля, я уж сколько раз просил так ко мне не обращаться. Просто Кошей и все, — немного поворчал я, но продолжать тему не стал, перейдя к расставленным яствам на столе.

Чего тут только не было. Начиная от черной и красной икры и заканчивая тушеными грибами и сметаной с блинами.

Так, что же выбрать, чтобы и наестся, и бабку не обидеть отказом от остального, выложенного на стол. Пожалуй, вот эти маленькие карасики, зажаренные так, что хрустят на зубах, словно чипсы, а вкусные-е... Потом возьму щец со свининкой — уж очень они вкусные у Яги выходят, готов их есть в любое время, пусть и в нарушение канонических меню на завтрак; еще пару пирогов с брусничкой, кувшинчик ледяного морса и блинчиков с десятком. Все это улеглось на поднос, подчиняясь движению моего пальца.

— Все-то ты по-нормальному никак не можешь по-

есть, — ворчливо отозвалась Яга. — Столько и воробью мало будет.

Я виновато развел руками и поспешил покинуть помещение. Останься тут на завтрак, и будешь накормлен до отвала. Когда раньше я так и делал, то еще с час не мог встать с лавки, придавленный тяжестью наполненного желудка. Теперь поуменел: стремлюсь набрать поднос с хавчиком и тихо ретироваться подальше от забот бабули.

Поднос плыл следом, поднявшись со стола по моему повелительному щелчку пальцами. Проскочив мимо домовых, затеявших свою непонятную свару прямо посередине коридора, я спустился в подземелья замка. Тут располагались темницы с пленниками и сокровищница.

Камеры пустовали, так как от предыдущего хозяина никого не осталось, а сам я отлынивал от такой обязанности. Вот еще чего мне не хватало, так это набирать пленников! Их кормить, поить надо, банный день устраивать, иначе и не пройдешь мимо.

Так что, пройдя мимо пустующих камер, я добрался до сокровищницы. Ее охраняли два часовых, сплошь, с ног до головы, укрытых черненой стальной броней. Сквозь узкие щелочки забрала невозможно было рассмотреть лиц, так что порой я сомневался в том, что это живые существа. По слухам, что я во множестве успел собрать в замке, они стоят тут не одно тысячелетие, оставшись еще от первого Бессмертного.

— Пароль? — утробным голосом прорычал я и сам же ответил: — Сто грамм! Проходи... Эх, вы, чурки железные, хоть бы раз спросили нечто подобное.

Сняв с железного косяка тяжелый ключ — эта фиговина была весом за килограмм, — я провернул его несколько раз в замке, открывая дверь. Тяжеленный замок (зная, каков ключ, можете себе представить и замок) выскочил из петель и ухнул мне на ногу. Может, я и бессмертный, но боль чувствую, как и прежде.

— ...тебя, ах, ты... осиновый, чтоб ты... и без... — про-

несся мой ор эхом по подземелью. — Провалиться тебе на этом месте!

Слова, изрядно подкрепленные магией, пропали втуне: замок никуда не пропал. Зато позади раздался тихий «брямк», сопровождаемый ароматом горячих щей и прочих вкусняшек. Обернувшись, я заметил поднос, лежащий на полу в окружении моего несостоявшегося завтрака. Да уж, мое желание безмозглый «амбарный страж» отфутболил в сторону, как голкипер мяч при выбивании. И досталось несчастному подносу... хорошо еще, что он остался на месте, а не провалился, как я секунду назад пожелал в адрес замка. Ну вот, теперь придется плестись до камер и только оттуда звать кого из домовых, чтобы те принесли мне новый завтрак. Ни одно из проживающих в моем замке волшебных созданий не приблизится к сокровищнице, опасаясь охранников ничуть не меньше, чем меня. Мало того, сейчас придется еще и убираться здесь, иначе этот мусор тут останется навечно, пока не заплесневеет и не окажется у меня на подошве во время очередного посещения.

По-быстрому я закинул все на поднос — обожаю магию, с ней просто: пальцем шелкнул, и испорченная еда вся до последней крошки вернулась на прежнее место — и послал тот впереди себя. Через десять минут я вышел из закрытой части замка и громко заорал:

— Кузя! Авоська! Небоська! Кто-нибудь, дармоеды, отзовитесь!

Пришлось напрягать голосовые связки минут десять, пока рядом не появились три домовых. Конечно, можно и не рисковать сорвать голос и вызвать помощников с помощью волшбы, но к ней я только привыкаю, больше работая «по старинке».

Обычный домовый — это человекообразный коротышка ростом повыше колена, с длинными всклокоченными волосами, с бородой и усами, одет в свободный балахон с длинными рукавами, штаны и лапти. Примчав-

шиеся домовые стали шумно толкаться, каждый стараясь оказаться позади других. Наконец мне это надоело, и я прикрикнул, сразу наведя порядок.

— Так, видите этот мусор? — указал я на поднос с горкой битой глиняной посуды и ошметками еды.

Домовые единодушно закивали.

— Видим, хозяин... конечно, видим... вы правы, хозяин, это мусор, — пропищала нечисть на разные голоса и попыталась улизнуть, видимо, решив, что я их и звал ради того, чтобы показать поднос.

— Стоять! — повысил я децибелы и закашлялся, едва не сорвав голос. — Это убрать, а мне принести новый поднос с кухни. Там Яга сейчас должна находиться, так что она даст все необходимое. Но не говорить ей, что вся эта еда взамен испорченной. Пусть думает, что аппетит у меня разыгрался. Все понятно?

— Авось понятно!

— Небось понятно!

А Кузя пробубнил нечто невразумительное.

Из всех домовых я только и смог запомнить эту троицу по их характерным признакам. Небоська и Авоська получили имена по причине постоянно упоминающихся слов, а Кузя просто по аналогии со старым советским мультиком.

— Я не понял, почему поднос еще здесь, а еды нет?

Троица исчезла одним махом. Вдалеке послышался тихий стук, перебранка домовых, и все затихло. Пришлось постоять, прежде чем передо мною возник Кузя, нагруженный до невозможности. Поднос, что он принес, был побольше предыдущего и полностью оказался заставлен едой. М-да, фишка не прокатила. Яга небось (тьфу, вот же прилипчивое словечко!) расспросила домовых и узнала о порче еды, вот и наложила с запасом. Ладно, съем, что смогу, а остальное куда-нибудь пристрою.

Перехватив поднос у домового, который уже изнемогал под его весом (Авоська и Небоська, приходящиеся

друг другу родными братьями, как всегда, перевалили свою часть обязанностей на тихого Кузю), я направился в сокровищницу. Проклятый замок опять висел на своем месте, словно его и не открывали. Вот тоже странности. Сколько раз оставлял дверь открытой, чтобы не мучиться с открыванием-закрыванием, и столько же раз замок оказывался продетым в петли запора и закрытым на все обороты. Я уже и подсматривал, кто же это так изгаляется, но все без толку. Пока не спускал глаз с двери, замок спокойно валялся на полу, но стоило только на миг отвести взгляд, как дверь тут же запиралась. Волшебство, блин!

— Сволочь, покажись мне только! — прокричал я, адресуя фразу неизвестно кому. — Уши выдеру, пасть порву и моргала выколю. А может, это вы издеваетесь над своим повелителем, а?

С сомнением посмотрел я на железных истуканов, потом вытянулся на цыпочках — эти амбалы были выше меня на две головы — и постучал по забралу шлема. Ноль внимания.

— Ну и фиг с вами, ржавейте тут в одиночестве, как железные дровосеки.

Кстати, эти статуи очень сильно напоминали незабвенного героя из Изумрудного города. Только без масленок на голове и вооружены не топорами, а тяжелыми секирами.

Тихо чертыхаясь, я провел всю операцию заново и максимально аккуратно снял замок. Уф, теперь осталось открыть дверь, и я внутри. Несмотря на свои размеры — сантиметров семьдесят шириною, немногим больше полтора метров высотой и толщиной в ладонь, — она была очень и очень тяжела, потому что отлили ее из черной бронзы. Поднатужившись, я толкнул ее вперед и оказался среди груд золота. Следом неторопливо вплыл поднос и опустился на ближайший бархан из благородного металла.

Сокровищница была огромна. По своей площади она

равнялась небольшому стадиону и была сплошь усыпана золотом. Однажды по своей глупости я решил проверить толщину драгоценного покрова. Ага, дурость, она сил придает, но порой приводит к печальным последствиям. Выбрав самый тонкий, на мой взгляд, участок, я принялся, словно крот, закапываться в него. Углубившись почти на пару метров, едва не оказался похороненным живо, когда края ямы стали осыпаться. Вот тогда я научился левитации, со страху выскочив наверх с огромной скоростью. Не испугайся вовремя случайного магического действия и не брякнись после этого на пол, запросто мог разбить свою голову о потолок. Уж шишку заработал бы точно.

Золото расстилалось под ногами во всевозможном обличии. Монеты разных стран, шкатулки, оружие, полностью из благородного металла или только части вооружения, в основном рукояти мечей и кинжалов. Небольшие литые фигурки соседствовали с огромными статуями, которые намного превышали мой рост. Кольца, браслеты, короны и венцы. Чтобы все перечислить, не хватит одного дня и сотни страниц. А если попробовать сосчитать, то и вовсе неизвестно, насколько это затянется. Человеческой жизни точно недостаточно.

Подтянув к себе большую золотую вазу, я поставил на нее поднос и сам уселся на единственный предмет, сильно отличавшийся от всех прочих. Во-первых, он был не из золота, а во-вторых, и вовсе не из этого мира. Под моим... хм... моей пятой точкой располагалась простая резиновая лодка, какую сплошь и рядом можно увидеть в магазинах рыболовов и охотников. В магазинах моего родного мира, но не этого. Тут все больше на долбленках или челнах ходят.

Усевшись на холодную резину — на металле сидеть еще холоднее, — я принялся уплетать за обе щеки деликатесы с подноса. Оторвался, только почувствовав, что наелся до отвала. Но даже при моем нехилом аппетите под-

нос опустел едва ли наполовину, так что можно было тут застрять и до обеда. Золото оно аппетит повышает и способствует пищеварению. Мне, по крайней мере.

— Там, на неведомых дорожках, следы невиданных зверей, избушка там на курьих ножках... Там царь Кощей над золотом чахнет... — тихонько мурлыкал себе стихотворение, перескакивая с пятого на десятое.

Отдохнув после перекуса, я принялся за ремонт лодки, который уже несколько месяцев откладывал. Как-то не нужна она мне была раньше, а тут решил на рыбалку сходить. Разложив лодку, я тщательно рассмотрел огромную пробоину в борту и принялся густо замазывать ее клеем, помогая себе магией для лучшего результата, и чтобы обойтись без заплаты (в этом мире любой кусок резины не просто на вес золота, а вовсе бесценен).

Жуткая субстанция, что находилась сейчас в большом горшке литров на пять, пахла отвратительно. А что хотите? Все-таки у меня нет ни «Момент», ни другого специального клея. Пришлось варить обычный рыбий, применяемый в древности (точнее сказать, именно сейчас и тут, где я обитаю), немного модернизировав его с помощью магии. Теперь это клей, способный заткнуть любой другой из прежнего мира с пометкой «супер», вот только запах... Блин, пока я закончил трудиться над приведением в порядок плавсредства, во мне вновь пробудился аппетит, да и по времени было уже около полудня.

— Ха, теперь бы все это проверить в действии, — задумчиво произнес я, почесывая затылок.

Совершая столь естественное действие, я не подумал о последствиях и, когда попробовал опустить руку, просто-напросто не смог это сделать. Клей, в котором была измазана рука, намертво сцепил мои пальцы и волосы. Пришлось пожертвовать частью шевелюры, со слезами на глазах и матюками на устах выдирая волосы из головы. Вот до чего доводят чужие советы. «Магия для дела! Вол-

шебство только в особых случаях!» Это все слова Яги, которая своими чарами пользуется крайне редко.

После этого ни есть, ни продолжать работу не хотелось. Бурча под нос нечто успокаивающее, я поплелся на выход, где пришлось побороться с дверью. Потом пришлось — со своими руками, которые прилипли к бронзе и ни в какую не хотели отрываться.

— Да что же это такое?! — уже в полный голос заорал я. — Сейчас зверствовать начну!

День не задался с самого начала, это было видно еще по неудаче с замком. Мне бы прислушаться к приметам и остаться в замке, но нет, я же царь и злодей (самодур — вот это уже будет ближе к истине)...

Я решил сходить на речку и проверить свое плавсредство в деле: получилось ли его правильно заклеить? Сказано — сделано. Но перед выходом из замка ненадолго завис в размышлениях, как определиться с надуванием лодки. Но и тут справился, решив припахать к этому делу Соловья-разбойника. Уж ему-то с его легкими надуть лодку ничего не стоило. Правда, он сердито сопел и морщился, когда я попросил его о такой плевой услуге.

— Соловей, да что тебе стоит, — уговаривал я его как можно ласковее. — Для тебя одного только по силам, не домовых же просить.

Разбойник продолжал упорствовать, не желая работать насосом. Елки-палки, что же мне — самому надувать? Я лопну быстрее, чем лодка надуется наполовину, а магию боюсь применять. Толком не овладел еще и опасался в итоге получить кучу резиновых лохмотьев.

— Я могу помочь в любом деле, — брякнул я, не подумав, и понял, что попал.

Глаза Соловья загорелись фанатичным блеском с примесью будущего удовлетворения.

— С богатырем поможешь?

— С каким таким богатырем? — опешил я.

— С обычным русским богатырем, — пояснил Соло-

вей. — Он неподалеку в деревушке засел и брагу хлещет. Достал он меня, Кошей, спасу нет. Как напьется, так сразу к моему любимому дубу приходит, и давай надо мной измываться. Чего только не наслушался от него, а вчера и вовсе в меня кинул своей булавой. Во, шишка какая!

Соловей-разбойник приподнял шапку, надвинутую на лоб, и продемонстрировал огромную шишку в лилово-синих разводах синяка.

— М-да, — крикнул я от неожиданности. — Что же ты его не засвистел?

— Так у меня от его слов мерзких, — сплюнул Соловей на пол, — прямо скулы сводит, свистнуть нормально не могу.

— Пряма-таки от одних слов? — позволил я себе усомниться. — А ничего больше?

Соловей помялся, поправил шапку, надвинув ее сильнее на лоб, скрывая следы удара богатырского, и сказал как на духу:

— Плод он заморский ест, как приходит ко мне. Я его раз попробовал мальцом, когда один обоз пощипал, так теперь начинает корезить от одного вида или названия.

— Что за плод-то? — спросил я, уже догадываясь, что к чему.

— Лямоном зовут его люди и купцы заморские. Сам желтый, словно солнышко, а кожура твердая и горькая, как редька. А внутри дольки сочные, но такие кислые-е-е, никакой молодой шавель не идет в сравнение.

— Лимон, значит, — задумчиво проговорил я. — Богатырь, значит... Ладно, помогу тебе, отважу богатыря от дуба твоего и леса. Только ты дуй давай.

Соловей повеселел прямо на глазах и подошел к лодке.

— Куда дуть-то, Кошей? — почесал он затылок.

Я дернул пробку клапана, освобождая отверстие. Потом мысленно шлепнул себя по лбу и, попросив Соловья немного обождать, отправил одного из домовых на замковый пруд, чтобы сорвать толстую тростинку. Минут

через пять тот вернулся и выдал мне неплохую пустотелую трубочку природного производства, с метр длиною.

— Вот, — довольно сказал я Соловью, вставляя один конец тростинки в клапан, а второй передавая разбойнику, — дуй сюда, только аккуратно, а то вещь порвешь.

С некоторыми сомнениями на лице — при этом еще и сильно морщился от запаха клея — Соловей ухватил губами край тростинки и надул щеки. Почти мгновенно лодка заполнилась воздухом.

— Хватит! — испуганно закричал я и толкнул Соловья в плечо.

Тот поперхнулся, выпустил из рук плавсредство, которое удерживал на весу, чтобы удобно было надувать. При этом, не выдержав тяжести лодки, тростинка обломилась возле самого клапана. Воспользовавшись таким головотяпством, лодка шустро вырвалась на свободу и понеслась в сторону ворот, понемногу задирая нос и со свистом спуская воздух.

По несчастью, на воротах сидел один из воронов, которых я использовал в качестве почтальонов и посыльных, а еще — разведчиков и диверсантов. Здоровенная птица, размером с гуся, обернулась на странный шум и от изумления раскрыла клюв. На нее летела странная штука, громко свистевшая и вонявшая чем-то таким мерзким, что не могло забыться и до конца жизни.

— Берегись, — закричал я, опасаясь за ворона.

Тот лишь в последний момент успел захлопнуть клюв и дать деру, чудом разминувшись с лодкой.

— Кар-роши дур-раки... — откровенно прокричал он то, что думал о моем и Соловьином психическом здоровье. — Ненор-рмальные!

Вот только не успел он усесться обратно на забор, как Соловей выдохнул остаток воздуха, по пути выплюнув и тростинку. Свистнув, словно стрела, та пролетела до ворот и сбила обалдевшего ворона. Куча перьев, разлетевшихся по сторонам, отчаянный карк, и — все.

Мы с Соловьем ошарашенно переглянулись, начав соображать, что сейчас натворили. Вороны — древние птицы — служили всем Кощеям на протяжении веков на правах вольнонаемных сотрудников. Убив сейчас одного из них, я мог лишиться большей части своих гонцов-разведчиков.

— Я это... не хотел... — выдавил из себя Соловей-разбойник. — Само так вышло.

— Само? Вот сейчас и пойдешь к воронам объяснять про это «само», — прошипел я, пытаясь под маской раздражения скрыть собственное замешательство.

Дальше нашему разговору помешало карканье, очень похожее на ругань, раздавшееся из-за ворот, потом сквозь металлическую решетку протиснулся и сам ворон. Он шел по земле, стыдливо прикрывая крыльями копчик, где напрочь отсутствовал хвост. Подойдя, зыркнул на меня своим желтым глазом, а потом резко взлетел и тюкнул Соловья клювом в глаз. Тот, не вытерпев такой наглости, попытался ухватить птицу за крыло, но ловкая птица смогла увернуться.

— Это тебе за хвост, — каркнул ворон, опустившись обратно на землю. — Еще и в лесу увижу — вовек не отстираешься.

Совершив возмездие, ворон с довольным видом ушел ковыляющей походкой куда-то в глубь замка. М-да, а ведь стопудово нажалуется Яге, и та уже и не слезет с моей шеи, пока не сделаю что-нибудь злодейское. Блин, придется в срочном порядке с богатырем разбираться. Так я сразу двух зайцев убью — и перед бабкой отчитаюсь, и Соловью помогу, выполнив обещание.

— Ладно, пошли за лодкой, — сказал я своему помощнику. — Надо дело доделывать.

Лодку унесло аж в глубину сада, что раскинулся сразу за внутренним двором замка. Как ее не порвало на сучках — ума не приложу. На этот раз Соловей дул бережно,

сдерживая себя. Как только лодка приобрела нужную упругость, я выдернул тростинку и закрыл клапан.

— Все, можешь идти отдыхать, — сказал я Соловью-разбойнику. — Завтра пойдем с твоим богатырем разбираться. Когда, говоришь, он приходит?

— Не мой он, — обиженно засопел разбойник. — А приходит перед вечерней зорькой, когда еще все хорошо видно, но начинает солнышко опускаться за горизонт.

— Ну, не мой же, — весело отозвался я, щелчком пальцев заставляя следовать лодку за собой. — До завтра.

— До завтра, — грустно попрощался Соловей, наверно, думая о том, что еще один вечер придется терпеть общество развеселого богатыря.

Врагу не сдается наш гордый Варяг,
Пощады никто не желает! —

громко распевал я, двигаясь в сопровождении лодки к реке. —

Все вымпелы вьются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая.

Конечно, с орудиями я немного загнул. Да и лодка совсем не походила на легендарный крейсер. Из всего более или менее опасного у меня была только пара удочек из орешника с лесой из конского волоса. Последние надергали из хвостов лошадей домовые по моему указанию. Крючки заказал у своего кузнеца — карлы подгорного, прибившегося к замку во время правления предыдущего Кошея. Зато наживка с подкормкой была самая разная. Начиная от червей, накопанных мелкой домашней нечистью, и заканчивая жмыхом и распаренными зернами.

Я собирался устроить себе самую замечательную рыбалку на реке Смородина, что протекала неподалеку. Неподалеку — это километрах в десяти, но мне было только

в охоточку пройтись по земле под солнышком, чтобы размяться. А то каменные стены, мрачные подземелья и прочая зловещая атрибутика вконец достали.

Добравшись до речки, я с наслаждением расстегнул кафтан из черного бархата и шелка, чтобы немного остыть. Мне, по моей злодейской сущности, полагалось быть во всем черном, так что бархат, шелк и кожа в одеждах были непременно черного цвета. От кожаных одеяний я наотрез отказался. Вот еще, по такой жаре ходить в такой толстой и малодышащей сбруе, причем напоминающая участника ролевых игр определенного толка.

Скинув кафтан на бережок, разувшись и закатав штанины до колен, я послал лодку в воду и прыгнул в нее. Уже в полете успел заметить, что одним бортом она уперлась в расщепленную корягу, острые края которой зацепились за резину лодки.

— Вот блин! — успел произнести я в тот момент, когда ноги коснулись дна посуды и деревяшка проткнула резину.

В лодку ударил фонтан воды, а потом она перевернулась, не преминув накрыть меня сверху.

«А мы подводники, мы силачи», — промелькнули в голове слова шутейной песенки, услышанной как-то по телевизору во время просмотра юмористической программы. Вода резво и с готовностью хлынула мне в раскрытый, видимо от удивления, рот, заставив кашлять и отплеиваться, что под водой мог нормально сделать разве что Гудини.

Частично сдувшаяся лодка, накрывшая меня сверху, сковывала движения и мешала выбраться на поверхность. Грудь стало распирать от нехватки воздуха.

— Бурлибл, буль-буль, — выпустил я из себя остатки воздуха.

На несколько секунд мне показалось, что вот-вот я вернусь обратно к себе домой, к ребятам возле речки, девчонкам-сокурсницам, но ничего не вышло. Дурацкое коль-

цо не желало терять свое приобретение в моем лице. Начав опасаться, что мое бессмертие может оказаться липовым, я активировал левитацию. И немедленно пробкой вылетел из речки, прихватив, естественно, и лодку на своих плечах.

Поднявшись метров на десять в воздух, я стал плавно спускаться вниз. За все время пребывания здесь так и не сумел нормально овладеть таким полезным свойством: вся моя левитация сводилась к прыжкам ввысь и возвращением обратно. Вот так я и по лесу скакал (когда пытался овладеть магией полета), подлетая до верхушек деревьев и падая на землю. Все лесное население в такие моменты пряталось по берлогам и норам, рассчитывая на то, что окончательно сбрендивший Кощей попрыгает и оставит их в покое.

Мой прыжок из воды оказался крайне неудачным. Мало того что я не долетел до сухой земли, так еще и приводнился среди ила и прочего мусора, что прибывает течением к бережкам. Все это, а также фонтан грязи, потревоженной моим падением, не замедлили подняться в воздух. Прежде чем все упало на меня, я с тоскою успел подумать, что законы Ньютона еще никто не отменял, даже в сказочном мире. В довершение всего через миг на меня спланировала лодка, повалив в воду и превратив окончательно в чушку.

— Да что же это за невезение такое?! — в сердцах выкрикнул я и ударил разрядом молнии по воде, выпуская пар.

На мое счастье, меня не задело. Но метрах в двадцати от берега из воды выскочил с диким криком мужик в зеленой одежде из тины и водорослей, с таким же колером шелюры и бороды. Весь его волосяной покров стоял дыбом, а промеж пальцев проскакивали искорки разрядов.

— Кощей!!! — завопил зеленый мужик, едва справляясь с заиканием после сильного электроразряда. — Ты

пошто тут безобразничаешь? Скучно стало пакостить среди людишек и теперь на нас перешел?

— А, Водяной, — лениво махнул я рукою, приветствуя собрата по злодейскому промыслу и наверняка краснея от досады и смущения. — Привет! Ты не ворчи, старина, подумаешь, маленько тряхануло током, не убило же никого.

— А это что? — Водяной потряс здоровенной щукой и пульнул ею в меня.

Должен сказать, довольно-таки метко. Рыбина, контуженная моей молнией, просвистела мимо лица и шлепнулась на землю.

— О, ушица, можно сказать, сама прилетела! — удивленно-радостно воскликнул я. — А слабо еще несколько подкинуть?

В меня тут же прилетели еще парочка сазанов и здоровенный сом, от которого я не успел увернуться и смачно получил увесистой рыбиной пониже спины. Водяной довольно ухмыльнулся и стал шарить рукой вокруг, подготавливая еще один снаряд. Через секунду он радостно оскалился и взмахнул ладонью, направляя в меня нечто зеленоватое.

— Уй, ой-ой-ёй! — заблажил я благим матом, тряся в воздухе пострадавшей ладонью. Из нее на землю упал крупный ерш и вяло затрепыхался, приходя в себя. Неосмотрительно я поступил, когда попытался перехватить рыбу в полете и отправить ее обратно. Водяной злорадно заржал и попытался уйти на глубину, посчитав, что выполнил на сегодня свой план мести полностью. — А ну стоять! — заорал я, не собираясь оставлять поле за своим противником. — Мы еще не закончили.

В ответ из воды высунулись пальцы, сложенные во всем известную и такую обидную фигуру. Пока они не успели скрыться, я саданул по ним заморозкой (да ну ее, эту Ягу, с ее указаниями: волшебство для мести подходит, как ничто другое). По воде скользнула туманная дымка,

покрывая поверхность блестящей коркой, а потом, с треском взламывая этот покров, показался Водяной, замороженный ниже пояса в большой куб льда. Он попытался снова нырнуть, справедливо опасаясь моих дальнейших действий, но ничего не вышло: лед не позволил.

— Что, пиявка болотная, выкусил? — радостно улыбнулся я и кинул в него ерша. — Лови подарочек!

Обидно было то, что рыбешка не долетела до моего противника, перехваченная прямо перед его носом тонкой, изящной ручкой. Следом выскользнула из воды и головка с роскошными зелеными волосами и очаровательным личиком. Русалка. Вот так всегда — только начнешь разбираться один на один, как появятся посторонние и все испортят.

Хмурый Водяной, недовольный, что его застучали в таком непрезентабельном состоянии, сделал пасс рукою, освобождая нижнюю часть тела от груза, и ушел на дно. Следом нырнула и русалка, напоследок озорно стрельнув в мою сторону глазками. Эх, набрал себе этот хмырь болотный красоток, а мне в своем замке приходится обходиться обществом Яги, да Лихо Одноглазое изредка приходит в гости, распугивая мелкую нечисть.

Во всех сказках Лихо показывалось неким мужичком затрапезного вида с бедовым глазом, скрытым повязкой. Тоже читали? Так вот что я вам скажу: нас дурили с самого рождения. Лихо — это такая женщина монументального сложения. Если помните известную нашу актрису из михалковского фильма «Родня», так она почти один в один с ней схожа. Разве что Лихо немного помордастее (пусть простят меня милые женщины за такое грубое сравнение) да погрудастее. Такая настоящая русская баба, что и в избе горящей порядок наведет, и с конем на всем скаку разберется.

Насчет глаза отмечу вот что. Есть у ней такая привычка наводить несчастье и невезучесть, глянув на кого-то. На волшебных созданий или волшебников почти не

действовало, только чуть-чуть на тех из них, кто подороже. И повязки никакой нет. Вместо нее у Лиха спускается на лицо густая и длинная челка, полностью закрывая один глаз. И берегитесь окружающие, если она вздумает ее откинуть в сторону и посмотреть с эдаким прищуром.

Собрав свою лодку, что получила пробоину в другом борту, в отличие от залатанного дном, и нагрузив в нее же рыбу, «подаренную» Водяным, я поплелся обратно в замок. А дома, наскоро приведя себя в порядок, я с блаженством завалился спать. В принципе рыбалка удалась. Я принес несколько отличных рыбин, общим весом килограмм на... Много, в общем, много, так что прочие мелочи не в счет. Заодно и размялся, хоть и поссорился с Водяным. Ладно, на днях заскочу к нему с бутылочкой чего-нибудь покрепче да русалкам отсыплю настоящего жемчуга, а то один речной, наверное, надоел...

Я широко зевнул и мгновенно заснул. А во сне...

ГЛАВА 2

— Михась! — раздалось с другого берега. — Давай к нам.

— Сколько раз можно говорить — не коверкайте мое имя? Я — Михаил! — недовольно прокричал я собравшимся на другом берегу небольшой речушки.

Приятеля, как обычно, проигнорировали мое заявление и продолжили уговоры. Елки-палки, я бы и сам рад, но переплывать речку, пусть и шириною в пару десятков метров, совсем не хотелось. Май все-таки, вода не согрелась. Это пусть прочие мерзнут, если они такие фанаты заплыва.

На всякий случай вновь подошел к берегу и попробовал воду ногою. Бр-рр, за последние пять минут она теплее не стала. «А что, должна была потеплеть?» — промелькнул риторический вопрос к самому себе. С другого берега послышались крики, которые должны были по-

мочь мне собраться: ждать до лета товарищи, естественно, не станут.

— Так, — пробормотал я, — делаем «раз!» и прыгаем. Потом делаем «два!» и гребем быстро-быстро. Заодно и согреемся. А потом — что я, не могу переплыть эту жалкую речушку?

Вот так, подбадривая себя все настойчивей, я стоял на берегу и готовился.

— Смелее! — закричала одна из девчонок, вроде бы Юля. — Мы ждем тебя.

Все, я решился. Когда девчонки смотрят на тебя и улыбаются, любой из мужчин готов горы свернуть, не смотря на то что скорее заработает себе грыжу, чем сдвинет любой из скалистых массивов хотя бы на миллиметр.

— А-а-а!!! — Я с разбегу заскочил в речку, разом промчавшись метра четыре и погрузившись почти по грудь, полный восторга от того, что наконец смог это сделать.

Но несколько секунд спустя только что столь довольный и радостный индивидуум с тихим воем, струящимся из посиневших и сведенных губ, с еще большей скоростью вернулся обратно.

Я прыгал на берегу, обнимая себя руками, чтобы хоть немного дать тепла телу, покрытому мурашками. Кожа у меня стала почти лилово-фиолетовой в голубоватых разводах, настолько мне не понравилась майская водичка.

С противоположного берега послышался залиvistый девичий смех и дикий ржач моих приятелей. Вот от кого, от кого, а от друзей не ожидал такой реакции. Им-то всем хорошо: плавают почти в любое время года и в любой воде, только бы она была чистая. А я? Я, который максимум переплывал Оку во время сильной засухи в самом ее узком месте, где ширина была не больше сорока метров. Причем местами мог спокойно перейти ее вброд.

— Вам хорошо, моржи полярные, — обиженно сказал я, дрожа и надевая по-быстрому прямо на мокрое тело футболку и джинсы, — у вас жир греет, а у меня сплошь

мускулы, от которых тепла не дождешься. И на плавучести они сказываются.

— Катенька, — коснулся Серж, или просто Серега, руки одной из девушек, — этот злостный трус и сачок позволил себе назвать вас толстыми и жирными моржами. Этого спускать нельзя. Позвольте покарать проходимца и грубияна.

— Не надо, — улыбнулась девушка. — Он просто немного растерян и шокирован, а еще у него комплекс одиночества.

— Это что за штука такая? — оживился Серега.

— Он не может быть один и всегда стремится к компании. Вот и сейчас, оставшись в одиночестве, начал терять трезвый рассудок и нести чушь.

— Врете вы, — не смог я сдержаться, — нет такого комплекса, и вообще — я нисколько не страдаю от вашего отсутствия. Вон вы все, как на ладони...

Пустая перебранка могла затянуться надолго, если не найти способа перебраться.

— Мишутка, — донеслось опять с того берега, — а может, я помогу тебе переплыть?

— Точно, Юлёк, и по пути притопи его немного, чтобы знал, с кем разговаривает, — это Серега никак не угомонится.

— А смысл? — тоскливо отозвался я. — И так и так придется в воду лезть.

— Дурак! — подключился Олег. — Я с такой очаровательной девушкой в жидкий лед нырнул бы, а этот еще и хорохорится.

— Так что, помочь? — спросила Юлька.

Я усиленно поскреб в затылке — разумеется, мысленно, — но все-таки решил отказаться. Водичка совсем не радовала, а с кем плыть, мне было все равно.

— Как знаешь. — Мне показалось, или она ответила немного разочарованно или обиженно. — Тогда я пока полежу и позагораю.

Тут, думаю, надо пояснить, почему я хотел перебраться на тот берег. Мы подъехали к речке Осетр (никогда я рыбы с таким названием здесь не видел) с этой, моей, стороны — дорога так пролегла. А вот нормально поплескаться и полежать на берегу под лучами солнца неудобно. Мой бережок хоть и немного, но обрывист и густо зарос мелкими побегими ежевики. Зато противоположная сторона — краше некуда. Отличный, ровный, словно скатерть на кухонном столе, спуск к воде. Часть берега метра на три усыпана мелкой галькой и песком, а выше начинается невысокая густая трава.

Вот все и дернули туда, тем более что наши машины и вещи отлично просматривались оттуда.

— Эй, жертва случайных обстоятельств, — опять донесся до меня голос Олега. — В моей машине, в багажнике, лежит лодка и компрессор. Дерзай...

— Совсем другое дело! — обрадовался я. — Что ж до этого молчал-то?

— А я забыл, — лениво отозвался приятель. — Брал ее с расчетом, что поудим рыбку немного ниже по течению, где речка глубже и пошире.

По-быстрому метнулся я к машине и дернул ручку багажника.

— И-у, и-у, у-у-у... — раздался истошный визг и вой сигнализации, едва не остановивший от неожиданности мое сердце.

— Ключи в брюках возьми, — донесся голос Олега.

За несколько минут лодка была накачана и спущена на воду, а в нее погрузился я, гордый и довольный собою. Меня совершенно не трогали дружеские подначивания и шуточки ребят, сидящих на противоположном берегу. Несколько гребков, и вот я уже почти у нужного берега.

— Привет мореплавателям, — поприветствовал меня Серега, лежавший на большом полотенце, постеленном на песок. — Бури и шторма не сильно замедлили твоё путешествие? Ой, что это?!

Приятель так натурально изобразил удивление и испуг, что я машинально обернулся по сторонам и осмотрел лодку, опасаясь, что повредил ее или она зацепилась за корягу.

— Посмотрите, у него нет команды, наверное, из-за трудностей и лишений все разбежались...

— А может, на него напал великий кракен и проглотил их всех. Только отважный капитан сумел отбиться и добраться до своей цели, — подхватила Катюша, с трудом удерживаясь от смеха.

— Да ну вас! — сердито отмахнулся я. — Лучше помогли бы лодку подтащить к берегу — неохота ноги мочить.

— Скажи просто: опять холодной водички испугался, — поддел меня Олег. — Ладно, сейчас приму у тебя причальный канат и намотаю на кнехт, а то ты мне еще лодку повредишь.

Олег поднялся с песка и направился ко мне. Я подготовил к броску тросик с грузилом, привязанный к носу лодки, — «причальный канат». Вот только немного не рассчитал свои силы и сделал больший замах, чем следовало. А поскольку я поднялся почти во весь рост, балансируя на полусогнутых, то резкое движение (тут и было то метра два, зачем так размахивался?) покачнуло меня и бросило на корму. Получив дополнительный толчок, лодка подалась назад, отходя от берега. Мало того, падая, я зацепился ногою за петлю клапана — петля лопнула, клапан выдернулся и упал в воду. Отлитый из пластмассы и по определению не тонущий, он булькнул на дно, словно выточенный из стали.

Лодка стала спускать воздух по борту, создавая крен.

— Ё-моё, — только и успел я проговорить, когда мое плавсредство перевернулось, окунув меня в воду с головой.

— Балбес... лодку держи! — кричал Олег, с шумом забегающий в воду. — Нет, лови клапан, лодку сам поймаю.

Запомнив место, где исчез непотопляемый предмет, я

набрал воздуха и нырнул. Хотя сказать, что нырнул, — явное преувеличение. Тут глубина была немногим больше метра, так что я просто опустился на колени и принялся шарить руками по дну. В этот момент мимо плавно проплыла лодка, волоча по дну грузило на бечевке, которое я конечно же перехватил (пусть Олег успокоится, сам со всем разберусь). Дурацкий клапан нашелся не скоро, уже на пределе задержки дыхания.

Я собрался встать, но вдруг пальцам попался предмет, больше всего напоминающий маленькое тонкое колечко. Во мне проснулось нездоровое любопытство, и я решил его достать.

Так как правая рука удерживала лодку, а в левой был клапан, пришлось изворачиваться и подцеплять находку мизинцем. На удивление — это получилось без особых усилий. Колечко легко скользнуло на палец, а я вдруг почувствовал под ногами глубину, которая стремительно потянула меня в себя. В панике попробовал ухватиться за лодку, которая, даже наполовину спущенная, могла держаться на поверхности. Но это не помогло — глубина засасывала все сильнее.

Я еще успел услышать беспокойные крики моих друзей, потом едва слышимый плеск (наверное, кто-то бросился в воду мне на помощь) и — окончательно ушел вниз, потеряв ориентацию и сознание среди угольно-черной воды...

С криком я проснулся, чувствуя, как по груди и со лба текут струйки холодного пота. Опять этот сон. В первые дни он мне снился каждую ночь, и всегда я просыпался от боли в груди, когда воздух уже был израсходован, а вода сдавливала все сильнее и сильнее.

Потом я про него почти забыл, и вот опять. Наверное, эта вчерашняя «рыбалка» так растревожила меня, подняв из глубины подсознания почти забытые кошмары.

Этот сон один в один повторял последние минуты моего пребывания в своем родном мире. После того как пучина утянула меня от берега речки, я выплыл посреди небольшого фонтана в замке, где и проживаю сейчас. Вот уж всполошились тогда местные жители! Сами представьте: из фонтана, где воды едва-едва по колено, вдруг вылезает парень в мокрой футболке и джинсах, да еще и тянет за собою непонятную серо-зеленую махину (я же как ухватился за лодку, так и держал ее до конца, переместившись в этот мир).

Поначалу меня и не признали. Сидевший рядом с фонтаном кот Баюн пульнул в меня кринкой со сметаной, которая щедро разлилась у меня по груди, превратив окончательно мою одежду в нечто весьма и весьма непрезентабельное. Вот только в тот момент я не шибко адекватно соображал, поэтому вид здорового полосатого кота, размером с кавказскую овчарку, меня не удивил. Наоборот, я еще и погрозил ему кулаком, из которого, повинуясь неосознанному импульсу, вырвалась тонкая бледно-голубая молния.

Бедный Баюн только и успел издать короткий «мяв», как упал на землю, контуженный разрядом. Кошачья густая ухоженная шерсть встала дыбом, превратив его в огромный шарообразный полосатый комок. Оставшаяся нечисть порскнула во все стороны, скрываясь от меня. Из замка выскочила странная бабка. Странными в ней были огромный нос и выпирающий клык, придававшие зловещий вид. Пугаясь в пестрой юбке, она мчалась к фонтану, громко ругаясь и обещая смутьяну всевозможные кары.

— Это кто тут безобразничает? Кому в печь захотелось, ась?

Оглядевшись по сторонам и обнаружив лишь кота, лежащего в отрубе, и меня, имевшего весьма потрепанный вид, она остановилась и произнесла коронную фразу, с которой и началась моя нынешняя карьера:

— Кощеюшка, ты ли это? Пошто бедокуришь?

— Это Кощей, Кощей явился, — слышалось из всех углов и закутов.

На свет божий стали выползать обладатели голосов, являя собой невообразимую пестроту форм и видов. Кого тут только не было! И кикиморы, и русалки, и домовые... Даже Баюн пришел в себя и вновь хлопнулся в обморок, когда узнал, что наехал на Кощея.

Я и сам был потрясен не меньше, стоя в круге разнообразной нечисти и думая о том, что мое психическое здоровье немного пошатнулось. Скорее всего, ребята меня вытащили из воды и сейчас откачивают, а все эти глюки — плод моего воображения, находящегося в коматозном состоянии.

— Ничего, сейчас меня откачают, и я приду в себя, — философски произнес я вслух, присаживаясь на край фонтана. — Интересно, а кто откачивает — Юлька или кто другой?

Окружающие смущенно замолчали, выслушав весь этот бред — в их понимании это, конечно, был самый настоящий бред.

— А ну, все по местам разошлись, — прикрикнула на окружающих Яга, потом обратилась ко мне: — Кощеюшка, пошли со мною, а то после путешествия, поди, устал сильно, тропы-то иномировые сложные очень. А там у меня и чаек поспел, и пирожки есть.

А что ж не пойти? Пойду, заодно и выясню, как вкусно готовит мое подсознание.

— Пошли, бабуля, — поднялся я и сделал пару шагов, потом посмотрел на бечеву от лодки, что до сих пор держал в руке. — Так, с этим надо что-то делать.

— Да вон, передай их домовым. Ребятки умные и сноровистые, справятся.

Передав лодку на руки двум мелким коротышкам в бесформенных балахонах, я направился за бабкой. Приведя меня на кухню, она налила в большую глиняную кружку ароматного чая и начала рассказывать.

Оказывается, меня перекинуло в этот мир по вине колечка, что сейчас охватывало мой мизинец. Это отличительный знак царя Кощея по прозвищу Бессмертный. Окружающий мир полностью совпадал с описанием сказочной Руси. И сам я стал одним из его видных и значимых главных персонажей.

Раз в несколько столетий, когда Кошеем надоедает такая жизнь и он ни о чем другом больше думать не может, Бессмертный исчезает в веренице миров — может, возвращается в свой родной, может, просто умирает безо всяких спецэффектов, — а его колечко отправляется странствовать в поисках нового хозяина. Правила отбора очень жесткие, и немногие подходят по ним (получается, что я в душе был Кошеем и кольцо лишь позволило мне раскрыть свои таланты). Как только подходящий претендент находится, он перемещается сюда и получает в наследство огромный замок, затерянный среди лесов и болот. А вместе с замком кучу бонусов, вроде полного набора заклинаний, которые можно использовать по своему желанию, полную неуязвимость (точнее, бессмертие и отсутствие тяжелых травм), огромное количество золота и славу, что переплывала, по моему понятию, славу Сталина, Гитлера, Пиночета и прочих земных диктаторов вместе взятых.

Но, кроме этого, новый Кошей приобретал еще и такое не очень приятное свойство, как тягу к золоту. Я теперь с трудом могу заставить себя спокойно брать золотые ложки, вилки, ножи и прочую столовую дребедень: каждый раз возникает желание утащить их в сокровищницу, чтобы добавить к основному запасу.

Прежние Кошеи нападали на местные земли, захватывали пленных и продавали их в рабство в дальние страны. Еще обкладывали данью, которую можно было выплачивать только в золотом виде — монеты, украшения, прочие поделки. Брать в заложники местных царевичей и королевичей вкупе с царевнами и принцессами было

нечто вроде хобби, которому они предавались время от времени.

Вся земля была под Кощеем (теперь уж подо мною), и вся нечисть с трепетом произносила имя хозяина. Михаил Кожухов пропал, растворился в воде фонтана, взамен появился Кощей Бессмертный. Мне подвластны были домовые, банники, сенники и кикиморы. В замке жили Змей Горыныч, который появлялся только по призыву, а так дрых беспробудно, и кот Баюн. Изредка заскакивала Лихо, наводя шороху и принося сплетни, которые она перебирала на кухне совместно с Ягой. Еще и Соловей разбойничал поблизости, тоже мой подчиненный. Некоторую вольность держали Водяной и Леший, подчиняясь мне только номинально.

— И как же мне обратно? — ошарашенно спросил я, когда вволю наелся пирогов и напился чаю. — Я домой хочу, к своим.

— А никак, — развела руками Яга, — ты теперь Кощей, и этим все сказано. Хоть и молодой больно, прежде все больше старцами были, с опытом и знаниями.

— Так, может, колечко-то ошиблось? — с затаенной надеждой спросил я. — Вдруг непонятка вышла, я же его случайно на палец надел? Вот сейчас сниму его, и все, пусть любой другой это кольцо надевает.

Баба-яга с интересом смотрела на то, как я несколько минут с пытением пытался избавиться от неожиданного подарочка. Колечко из белого золота крутилось на пальце свободно, но вверх-вниз не сдвигалось ни на миллиметр. Я уже и маслом пробовал его смазывать, надеясь, что оно станет проще сниматься.

— Это все без толку! — торжественно произнесла Яга. — Кольцо никогда не ошибается, и его выбор точен и правилен.

— А если я палец отмахну? — потянулся я к ножу, что лежал неподалеку на столе. — Фиг с этим мизинцем, зато освобожусь от кольца, а?

Бабка только пожала плечами: мол, делай, как хочешь, но я все сказала. Подержав в руке кухонный резак, я на такой эксперимент не решился.

— Да ты не тушуйся, Кошеем быть совсем неплохо, — утешала меня бабка. — Народишко побаивается, золотишко приносят. Как совсем соскучишься и загрустишь, можно войной пойти на кого.

— Да не хочу я ни на кого идти войной! — в сердцах вскричал я. — Я воевал только на компе да в тетради, когда в морской бой резались на парах.

— А чёй-то за звери такие? — спросила меня бабка. — Комп вот, потом тетрадь энта?

— А-а, — махнул я рукою, — долго объяснять, да и не поймете вы. Лучше пойду посмотрю, как там с моей лодкой дела обстоят.

Поднявшись из-за стола, я быстро добрался до небольшой каморки — знание планировки замка пришло вместе с магией через кольцо, — за дверью которой слышались возбужденные голоса двух существ. Не людей, отмечаю, существ.

— Да режь, я тебе говорю!

— А Кощей, вдруг он сам захочет добить это чудо непонятное?

— Зачем добить, оно уже умерло, вон дырка какая, видать, наш царь очень сильное колдовство применил. Гляди: то — верх, а это — низ с потрохами, которые и раздуло. Али времени у него не хватило, чтобы полностью распотрошить чудо непонятное?

— Так, может, он и захочет сам допотрошить?

— Режь, тебе говорят, мы и сами все сделаем, а Кощей за наши труды еще и наградит.

— Так, давай вместе вот здесь резать начнем, чтобы и награда была поровну. Только аккуратно, чтобы не сильно шкуру повредить.

Непонятный диалог стал очень тихим, сойдя на шепот и возню. С полным ощущением, что опоздал, я при-

открыл дверь и успел увидеть такую картину. Два домовых, держа огромный тесак, примериваются к уцелевшему борту моей лодки. Я так и застыл в шоке, даже не успев ничего сказать, чтобы предотвратить намечающуюся катастрофу.

— Режем! — энергично скомандовал один из домовых и сам налег на ручку ножа.

Второй добавил. Воздух из распоротого борта с веселым шипением вырвался наружу, сметая домовых в сторону.

— Я же говорил: надо резать — вон сколько духу скопилось в брюхе. — Первый домовой шустро вернулся к лодке с ножом наперевес и заглянул сквозь пробоину. — Тю-у, а тут совсем пусто. Куда потроха-то подевались?

— Вот сейчас набью ее вашими потрохами! — Я наконец-то смог выразить словами свои чувства. — Вы что творите, помесь обезьяны и пигмея?

Расслышав в моем голосе нешуточный гнев, первый домовой немедленно заскочил за спину второго, только что выбравшегося из угла, куда был сдут напором воздуха, и по пути сунул ему в руки нож.

— А это все он, — обвиняющее завопил он. — Я ему говорю: небось Кощей сам захочет распотрошить, а он заладил: авось и сами справимся.

Искренние глаза домового уставились на меня, не показывая ни грамма вины или раскаяния. Второй, поняв, что на него банально вешают все косяки, отбросил нож в дальний угол и ринулся с кулаками на своего коллегу.

— Что?! Это я так говорил? Да я тебя сейчас...

Завязалась драка. Домовые моментально превратились в клубок с четырьмя руками и ногами. Сплюнув, я направился обратно, кинув напоследок:

— Чтобы все заделали, как было. Иначе...

Не договорив, но понадеявшись на славу своего предшественника, я пошел прочь, решив побродить по окрестностям за стенами замка.